

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

(Окончаніе). *)

XXXV.

Теперь еще хочется упомянуть объ одномъ кievскомъ событіи, которое прекрасно и трогательно само по себѣ и въ которомъ вырисовалась одна страшная личность съ очень сложнымъ характеромъ. Я хочу сказать о священникѣ Евфиміѣ Ботвиновскомъ, котораго всѣ въ Кіевѣ знали просто подъ именемъ „попа Ефима“, или даже „Юхвима“.

Усопшій епископъ рижскій Филаретъ Филаретовъ, въ бытность его ректоромъ духовной академіи въ Кіевѣ, 28 декабря 1873 года писалъ мнѣ: „спрашиваете о Евфимѣ. Евфимъ, другъ нашъ, умре 19 сентября. Оставилъ семейство изъ шести душъ, трехъ женскихъ и трехъ мужескихъ. Но, видно, Евфимъ при слабостяхъ своихъ имѣлъ въ себѣ много добраго. При его погребеніи было большое стеченіе народа, провожавшаго его съ большимъ плачемъ. Дѣти остались на чужомъ дворѣ, безъ гроша и безъ куска хлѣба; но добрыми людьми они обезпечены теперь такъ, что едва-ли-бы и при отцѣ могли имѣть то, что устроила для нихъ попечительность людская“.

Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ довелось быть въ Кіевѣ, я никогда и ни отъ кого не могъ получить никакихъ извѣстій о дѣтяхъ отца Евфима; но, что всего страннѣе, и объ немъ самомъ память какъ будто совершенно исчезла, а если начнешь усиленно будить ее, то

*) См. март. кн. «Кіев. Старинны» на 1883 г., стр. 493—527.

услышишь развѣ только что-то о его „слабостяхъ“. Въ письмѣ своемъ пр. Филаретъ говоритъ: „не дивитесь сему—банковое направление все загло. Въ Кіевѣ ничѣмъ не интересуются, кромѣ картъ и денегъ“.

Не знаю, совершенно-ли это такъ, но думается, что довольно близко къ истинѣ.

Что-бы не вызывать недомолвами пустыхъ толковашій, лучше сказать, что „слабости“ о. Ефима составляли просто *кутєжи*, которые тогда были въ большой модѣ въ Кіевѣ. Отецъ Евфимъ оказался большимъ консерваторомъ и перенесилъ эту моду немножко дальше, чѣмъ было можно. Отецъ Евфимъ любилъ хорошее вино, природу и охоту. Онъ былъ лучший бильярдный игрокъ *посль Курдомова* и отлично стрѣлялъ; при томъ онъ, по слабости своего характера, не могъ воздержаться отъ удовольствія поохотиться, когда попадалъ въ кругъ друзей изъ дворянъ. Тутъ о. Евфимъ переодевался въ егерскій костюмъ, хорошо приспособленный къ тому, что-бы спрятать его „гриву“, и „полювать“ по преимуществу съ гончими. Нрава Юхвима былъ веселаго, даже дѣтски паловливаго и увлекающагося до крайностей, иногда непозволительныхъ; но это былъ такой человекъ, какихъ родится немного и которыхъ грѣшно и стыдно забывать въ одно десятилѣтіе.

Какое Юхвимъ былъ, какъ священникъ,—этого я разбирать не стану, да и думаю, что это извѣстно одному Богу, которому служилъ онъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Виѣшнимъ образомъ въ священнодѣйствіи Юхвимъ былъ мастеръ и знатокъ, но лѣновать, и потому служилъ рѣдко—больше содержалъ у себя для служенія какихъ-то „приблудныхъ батюшекъ“, которые всегда проживали у него-же въ домѣ. Отецъ Юхвимъ прекрасно читалъ и иногда, читая величественные каноны, неудержимо плакалъ, а потомъ самъ надъ собою шутилъ, говоря:

— Стѣлько я, ледачій піицъ, нагрѣшивъ, що Богъ вже змиловався надо мною и давъ мені слезы, що-бъ плакати дѣль моихъ горько. Не могу служити, не плачучи.

Разберите и разсудите хоть по этому, что это былъ за человекъ *по отношенію къ вѣрѣ*? По моему мнѣнію, онъ былъ человекъ богопочтительный, но его кипучая, художественная, артистическая натура, при умѣ живомъ, по крайне легкомъ и не серьез-

номъ, постоянно увлекала его то туда, то сюда, такъ что онъ могъ бы и совершенно извертѣться, если-бы не было одного магнита, который направлялъ его блужданія къ опредѣленной точкѣ. Магнитомъ этимъ, дѣйствовавшимъ на Юхвима съ страшною, всеодолювательною *органическою* силою была его громадная, прирожденная *любовь къ добру и состраданію*.

Когда я завналъ отца Евфима, онъ былъ очень юнымъ священникомъ маленькой деревянной церкви Іоанна Златоуста противъ пылвшеи старокіевской части. Приходъ у него былъ самый бѣднѣйшій, и отцу Евфиму совершенно не чѣмъ-бы было питаться, если-бы семьѣ его Господь не послалъ „врана“.

Этотъ „питающій вранъ“ былъ *разумившійся* грамоль дьячекъ Константинъ, или Котинъ, длинный, худой, съ сломаннымъ и согнутымъ на сторону носомъ, за что и прозывался „Ломоносовымъ“.

Онъ самъ о себѣ говаривалъ:

— Я вже часто не здужаю, бо ставъ старый; але що маю подіяти, якъ робити треба.

„Треба“ была—вотъ почему, что Ломоносовъ считалъ „на своемъ воспитаніи“ молодую, но быстро нарастающую семью своего молодого и совершенно беззаботнаго священника.

Дьячекъ Котинъ служилъ при его отцѣ, Георгіѣ Ботвинюкомъ, звалъ Евфима дитятею и студентомъ академіи, и теперь, видя его крайнюю безпечность обо всѣхъ домашнихъ нуждахъ, принималъ домъ священника „на свое воспитаніе“.

Грудъ Ломоносова состоялъ въ томъ, что все лѣтнее время, пока Кіевъ посѣщается „богомулами“, онъ вставалъ до зари, садился у церковной оградочки съ деревяннымъ ящичкомъ, съ прорѣзкою въ крышкѣ, и „стерегъ богомуловъ“.

Дѣло это очень заботное и требовало не малой сообразительности и остроты разума, а также смѣлости и такта, ибо, собственно говоря, Ломоносовъ „воспитывалъ семейство“ на счетъ другихъ приходовъ и преимущественно на счетъ духовенства церкви Десятинной, Андреевской и всѣхъ вкупѣ святыхъ Подола.

Константинъ отпиралъ церковь, зажигалъ лампадошку и садился у дверей на маленькой скамеечкѣ;—передъ собою онъ ставилъ мѣдную чашку съ водою и кропило, рядомъ ящичекъ или „карнавку“,

а въ руки бралъ шерстяной пагленокъ, который визалъ вѣчно и безъ окончанія.

— Бо духовному лицу треба бути въ трудѣхъ бденныхъ.

Какъ большинство обстоятельныхъ и сильно озабоченныхъ людей, Котинъ былъ порядочный резонеръ и уважалъ декорумъ и благопристойность.

„Богомулъ“ (въ собирательномъ смыслѣ) идетъ по Киеву опредѣленнымъ путемъ, какъ сельдь у береговъ Шотландіи, такъ что прежде „напоклопается усимъ святымъ печерскимъ, потімъ того до Варвары, а потімъ Макарію софійскому, а потімъ вже геть просто *мимо Ивана* до Андрея и Десятинного и на Подоль“.

Маршрутъ этотъ освященъ вѣлами и до такой степени традиціоненъ, что его никто и не думалъ-бы измѣнять. Церковь Іоанна Златоуста, или, въ просторѣчьи, кратко „*Иванъ*“, была все равно что пунктъ водораздѣла, откуда „богомудъ“ принимаетъ наклонное направленіе, „*мимо Ивана*“.

Къ „Ивану“ заходить было не принято, потому что Иванъ самъ по себѣ ничѣмъ не блестялъ, хотя и отворялъ радушно свои двери съ самыхъ спозаранокъ. Но нужда, изошряющая таланты, сдѣлала умъ Котина столь острымъ, что онъ изъ этого мимоходнаго положенія своего храма извлекалъ сугубую выгоду. Онъ сидѣлъ здѣсь на водораздѣлѣ теченія и „переловливалъ богомудовъ“, такъ что они не могли попадать къ святынямъ Десятинной и Подола, пока Котинъ ихъ „грохи не вытрусить“. Дѣлалъ онъ это съ превеликою простотою, тактомъ и съ такою отвагою, которою даже самъ хвалился:

— Тиі богомуды, що у лавру до святыхъ поприходили,—говорилъ онъ,—тихъ я до себе затыгти не можу, не про те, що мій храмъ такий малесенькій, а про те, що лавра на такімъ пути, що її скрізь видно. Одъ нихъ вже нехай лаврикові торгують. А що до подольськихъ, або до Десятинного, то сіи вже нехай собі пальци цоссутъ якъ я имъ дамъ що уторгувати и необібранихъ богомудівъ спущу имъ.

Онъ „обиралъ“ богомудовъ вотъ какимъ образомъ: имѣя подлѣ себя „карнавку“, Котинъ, чуть завидитъ или слышитъ двигающихся тяжелыми цогами „богомудовъ“, начиналъ „трясти грошъ“ въ ящичкѣ, приговаривая:

— Богомули! богомули! Куды це вы? Жертвуйте, жертвуйте до церковці Івана Золотоустого!

И чуть мужики пріостанавливались, чтобы достать и положить по грошу, Котинь вдругь онутывалъ ихъ ласкою. То онъ спрашивалъ: „звіткля се вы?“, то „якъ у васъ сей годъ житечко зародило?“, то предложитъ иному „ужить табáки“ изъ его тавлинки, а затѣмъ и прямо звалъ въ церковь.

— Идить-же, идить до храму святого... усходьте... я вамъ одну таку святыню покажу, що ніде її не побачите.

Мужички просились:

— Мы, выбачайте, на Подоль ідемо, та до князя Владиміра.

Но Котинь уже не выпускалъ „богомула“.

— Ну, та що тамъ таке у святого Владиміра?—начиналъ онъ съ неодолимою смѣлостію ученаго критика.—Богъ зна, чи що тамъ есть, чи чого нема. Вінъ собі бувъничого, добрый князь; але, якъ усі чоловіки, мавъ жінку, да ще не єдиную. Заходьте до мене, я вамъ свячену штучку покажу, що святивъ той митроколетъ Евгеній, що підъ софійскимъ підъ поломъ лежить... Евгеній, то, бачите, бувъ сній (Котинь почему-то не говорилъ *сеній*).

А во время такого убѣдительнаго разговора онъ уже волокъ мужика или бабу, которая ему казалась вліятельнѣе прочихъ въ группѣ, за руку и вводилъ всѣхъ въ церковь и подводилъ ихъ къ столу, гдѣ опять была другая чаша съ водою, крестъ, кропило и блюдо, а самъ шелъ въ олтарь и выносилъ оттуда старенькій парчевый воздухъ и начиналъ всѣхъ обильно кропить водою и отирать этимъ перепачканнымъ воздухомъ, приговаривая:

— Боже благослови, Боже благослови!.. Умыхся еси, отерся еси; умыхся, отерся... То нашъ еній Евгеній сей воздухъ святивъ... цілуйте его, христіане, собі на здоровье... души во спасеніе... во очищеніе очесъ... костей укрѣпленіе... И потомъ вдругь приглашалъ прилечь отдохнуть на травкѣ около перкви, или-же ийти „впрость— до батюшки, до господы“, т. е. на дворъ къ отцу Евфиму, который былъ тутъ-же радомъ.

Котинцу почти ежедневно удавалось заманить нѣсколькихъ „богомуловъ“ на батюшкинъ дворъ, гдѣ имъ давали огурцовъ, квасу и хлѣба и мѣсто подъ сараемъ, а они „жертвовали“ что что можетъ.

Выходило это такъ, что и „богомуламъ“ было безъобидно, и „дома“ хозяину выгодно. Каждый день былъ „свѣжій грошъ“, а на другое утро „богомумы шли опустошени“, и Котинъ ихъ самъ напутствовалъ:

— Идѣть теперички, христіане, куди собѣ хочете,—хоть и до святого Владиміра.

Перехожая пошлина съ нихъ у Ивана была уже взята.

Таковъ былъ простодушный, но усердный печальникъ о семьѣ безпечальнаго отца Евфима въ первое время; но потомъ, когда Евфима перевели на мѣсто усоплаго брата его Петра, въ троицкую церковь, его начали знать болѣе видные люди и стали доброхотствовать его семьѣ, о которой самъ Евфимъ всегда заботился мало.

— Нашъ батюшка, говорилъ Котинъ, завжди въ расходѣ, бо ёго люде дуже люблять.

Это была и правда. Ни семейная радость, ни горе не обходилось безъ „Юхвима“. Ему давали „за руки“ спорныя деньги, его выбирали душеприказникомъ, и онъ всё *чужія дѣла* исполнялъ превосходно. Но о своихъ не заботился нимало и довель это до того, что „самъ себя изнищилъ“.

Вотъ событіе, которымъ онъ одно время удивилъ Кіевъ и далъ многимъ хорошій поводъ оклеветать его за добро самыми черными клеветами.

XXXVI.

Былъ въ Кіевѣ уѣздный казначей Осипъ Семеновичъ Т—ій, котораго привезъ съ собою изъ Житомира предсѣдатель казенной палаты Ключаревъ. Мы этого чиновника знали мало, а отецъ Евфимъ *нисколько*. Вдругъ при одной повѣркѣ казначейства новымъ предсѣдателемъ Кобылинымъ оказался прочеть въ казенныхъ суммахъ, кажется, около 20,000 рублей, а можетъ быть и нѣсколько меньше. Казначей былъ извѣстенъ своею честностію и аккуратностію. Какъ образовался этотъ прочеть,—я думаю никто навѣрно не знаетъ, потому что дѣло было замято и потушено; но семьѣ казначея угрожала гибель. Объ этомъ много говорили и очень сожалѣли маленькихъ дѣтей казначея.

Дошло это дѣло до Евфима и ужасно его тронуло. Онъ заду-мался, потомъ вдругъ заплакалъ и воскликнулъ:

— Тутъ надо помочь!

— Какъ-же помочь? надо заплатить деньги.

— Да, конечно, надо заплатить.

— А кто ихъ заплатить?

— А вотъ попробуемъ.

Отецъ Евфимъ велѣлъ „запречь игумена“ (такъ называлъ онъ своего карого коня, купленнаго у какого-то игумена) и поѣхалъ къ Кобылину съ просьбою поддержать дѣло въ секретѣ два, три дня, пока онъ „попробуетъ“.

Предсѣдателю такое предложеніе, разумѣется, было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно, и онъ согласился ожидать, а Евфимъ пошелъ гонять своего „игумена“. Обѣздалъ онъ всѣхъ друзей и пріятелей и у всѣхъ, у кого только могъ, просилъ пособить — „спасти семейство“. Собралъ онъ не мало, помнится, будто тысячь около четырехъ, что-то далъ и Кобылинъ; но недоставало все-таки много. Не помню теперь, сколько именно, но много что-то недоставало, кажется, тысячь двѣнадцать, или даже болѣе.

У пасъ были совѣты и рѣшено было „собранныя сберечь для семьи“, а казначея предоставить его участи. Но предобрѣйшему Евфиму это не нравилось.

— Что тамъ за участь дѣтямъ безъ отца! проговорилъ онъ и на другой-же день *взнесъ все деньги*, сколько ихъ слѣдовало.

Откуда-же онъ ихъ взялъ?

Онъ *разорилъ свое собственное семейство*: онъ заложилъ домъ свой и домъ тещи своей, вдовы протоіеря Любодовскаго, надавалъ векселей и сколотилъ сумму, что-бы выручить чловѣка, котораго, опять повторяю, онъ не зналъ, а зналъ только о бѣдствіи, его постигшемъ...

Разсудительнымъ или безразсуднымъ кому покажется этотъ поступокъ, но во всякомъ случаѣ онъ столь великодушенъ, что о немъ стоитъ вспомнить, и если слова еп. Филарета справедливы, что дѣти Ботвиновскаго призрѣны, то поневолѣ приходится повторить съ псалмопѣвцемъ: „не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣба“.

Другаго такого поступка, совершеннаго съ полнѣйшею простотою сверхъ силъ и по одному порыву великодушія, я не видалъ ни отъ кого, и когда при мнѣ говорятъ о пресловутой „поповской жадности“, я всегда вспоминаю, что самый, до безразсудности, безкорыстный человѣкъ, какого я видѣлъ,—это *былъ попъ*.

Поступокъ Евфима не только не былъ оцѣненъ, но даже былъ осмѣянъ и послужилъ поводомъ къ разнообразнымъ клеветамъ, имѣвшимъ дурное вліяніе на его расположеніе и положеніе.

Съ этихъ поръ онъ началъ снова захудѣвать, и все въ его дѣлахъ пошло въ разстройство: домъ его былъ проданъ, долгъ тещѣ его тяготилъ и мучилъ; онъ переѣхалъ къ своей, перенесенной на Новое Строеіе троицкой церкви и, вдобавокъ, овдовѣлъ, а во вдовствѣ такой человѣкъ, какъ Евфимъ, былъ совершенно не возможенъ.

Жена его была прекрасная и даже очень миленькая женщина, веселаго и добраго нрава, терпѣливая, прощающая и тоже беззаботная. Лучшей пары отцу Евфиму и на заказъ нельзя было подобрать, но когда въ дѣлахъ ихъ пошелъ упадокъ, и она стала прихварывать, ей стало скучно, что мужа никогда почти нѣтъ дома. Она умерла какъ-то особенно тихо и грустно, и это обстоятельство вызвало въ отцѣ Евфимѣ еще одинъ необыкновенный порывъ въ свойственномъ ему малоразсудительномъ, но весьма оригинальномъ родѣ. Мало удосуживаясь видѣть жену свою при ея жизни, онъ не могъ разстаться съ нею съ мертвою, и это побудило его рѣшиться на одинъ крайне рискованный поступокъ, еще разъ говорящій о его причудливой натурѣ.

XXXVII.

Троицкая церковь, къ которой перешелъ о. Евфимъ послѣ смерти своего брата, находилась на Старомъ Кіевѣ, противъ зданія присутственныхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ начинается скверъ отъ стороны софійскаго собора. Церковь эта была маленькая, деревянная и вдобавокъ ветхая, какъ и церковь Іоанна Златоуста, находившаяся по другую сторону присутственныхъ мѣстъ, и съ постройкою этихъ послѣднихъ ее рѣшено было перенести на Новое Строеіе, гдѣ, конечно, надо было строить церковь вновь, сохранивши названіе прежней. Отецъ Евфимъ самъ распоряжался постройкою церкви и осуществилъ при этомъ нѣкоторыя свои фантазіи. Такъ, наприм.,

въ бытность его въ Петербургѣ, онъ мнѣ рассказывалъ, что устроилъ гдѣ-то въ боковой части олтаря маленькую „комору подь землею“,—что-бы тамъ лѣтомъ, въ жары, хорошо было отдыхать.

Я не видѣлъ этой „коморы“ и не знаю, какъ она была устроена, но знаю несомнѣнно, что она есть, и что въ ней скрывается теперь ни для кого уже не пропиаемая тайна.

— Гдѣ схоронена покойная Елена Семеновна? спросилъ я отца Евфима, рассказывавшаго мнѣ тяжесть своего вдоваго положенія.

— А у меня подь церковью, отвѣчалъ онъ.

Я удивился.

— Какъ, говорю, подь церковью? Какъ-же вы это могли выхлопотать? Кто вамъ разрѣшилъ?

— Ну вотъ, говоритъ,—„разрѣшилъ“! Что я за дуракъ, чтобы сталъ объ этомъ кого-нибудь спрашивать? Разумѣется, никто-бы мнѣ этого не разрѣшилъ. А я такъ, чтобы она, моя голубонька, со мною не разставалась,—я *самъ ее закопалъ подь поломъ въ комору*, и хожу туда и плачу надь нею.

Это мнѣ казалось невѣроятнымъ и я безъ стѣсненія сказалъ отцу Евфиму, что ему не вѣрю, но онъ заботился и рассказалъ исторію погребенія покойницы подь церковью въ подробностяхъ и съ такою обстоятельностью, что основаніе къ недовѣрію исчезло.

По словамъ отца Евфима, какъ только Елена Семеновна скончалась, онъ и два преданные ему друга (а у него ихъ было много) разобрали въ нижней „коморѣ“ полъ и сейчасъ-же стали *своими руками* копать могилу. Къ отпѣванію покойной въ церкви—могила была готова. Приготовилась-ли тоже, какъ слѣдовало, могила на кладбищѣ,—я не спросилъ. Затѣмъ покойную отпѣли въ большомъ собраніи духовенства и, кажется, въ предстояніи пресвящ. Филарета Филаретова, который тогда былъ еще архимандритомъ и ректоромъ кievской академіи. По отпѣваніи и запечатлѣніи гроба *выносъ былъ отложенъ до завтра*, будто за неготовностью могильнаго скелета. Затѣмъ, когда отпѣвавшее духовенство удалилось, отецъ Евфимъ съ преданными ему двумя друзьями (которыхъ опъ называлъ) пришли ночью въ церковь и *похоронили покойницу въ могилу, выкопанную въ коморѣ подь олтаремъ*. Потомъ полъ

опять заслали и слѣдъ погребенія исчезъ навсегда, „до радостнаго утра“ *).

Покойный еп. Филаретъ Филаретовъ, кажется, зналъ объ этомъ. Но крайней мѣрѣ, когда я его спрашивалъ: *гдѣ* погребена Елена Семеновна? онъ, улыбаясь, махалъ рукою и отвѣчалъ: „Богъ его знаетъ, гдѣ онъ ее похоронилъ“.

XXXVIII.

Какъ-же относились къ такому священнику люди?

Моралисты и фарисеи его порицали, но простецы и „мытари“ любили „предобраго Евфима“ и, какъ писалъ мнѣ пресов. Филаретъ, „проводжали его съ большимъ плачемъ“.

Не каждаго такъ проводятъ даже и изъ тѣхъ, кои „посягли всѣ книги кожаны“ и соблюли всѣ посты и „субботы“.

И какъ было не плакать о такомъ простякѣ, который являлъ собою живое воплощеніе добра! Конечно, онъ не то, что пасторъ Оберлинъ; но онъ нашъ, простой русскій пощъ, человѣкъ, можетъ, и безолаберный, и грѣшный, но всепрощающій и безкорыстѣйшій. А много-ли такихъ на свѣтѣ?

А что думало о немъ начальство?

Кажется, не одинаково. От. Евфимъ служилъ при трехъ митрополитахъ. Выс.-пресов. Исидоръ Никольскій былъ мало въ Кіевѣ и едва-ли успѣлъ кого узнать. Преемникъ его Арсепій Москвитинъ не благоволилъ къ Ботвиновскому, но покойный Филаретъ Амфитеатровъ, надо полагать, его любилъ. Разъ онъ призывалъ Евфима по какой-то жалобѣ или какому-то слуху, о существѣ коего впрочемъ на митрополичьемъ разбирательствѣ ничего обстоятельно не выяснилось.

О разбирательствѣ этомъ рассказывали слѣдующее: когда Филарету наговорили что-то о „необстоятельности“ Ботвиновскаго,

*) Собранныя памя теперь по поводу предложеннаго разсказа свѣдѣнія способны только подтвердить его достовѣрность: никто изъ тѣхъ, кого мы разспрашивали, не помнятъ, даже со словъ другихъ, факта провода на кладбище тѣла умершей жены о. Ефима, а помнятъ только фактъ совершеннаго надъ нею торжественнаго отпѣванія и предложенной затѣмъ номинальной трапезы.—Ред.

митрополить о немъ разспросить и, должно быть, составилъ мнѣніе въ „смигчающемъ“ тонѣ. А самый судъ произвелъ такъ:

— Ты Батвиневской? спросилъ онъ обвиняемаго.

— Ботвиновскій, отвѣчалъ отъ Евфимъ.

— Что-о-о?

— Я Ботвиновскій.

Владыка сердито стукнулъ по столу ладонью и крикнулъ:

— Врешь!.. Батвиневской!

Евфимъ молчалъ.

— Что-о-о? спросилъ владыка.—Чего молчишь?

Тотъ подумалъ—что ему отвѣчать? и благопокорно произнесъ:

— Я Батвиневской.

Митрополить успокоился и съ добраго лица его радостно исчезла непривычная тѣнь напускной строгости и онъ протянулъ своимъ беззвучнымъ баскомъ:

— То-то и есть... Батвиневской!.. Покорился!.. Ну, теперь иди къ своему мѣсту.

А „прогнавъ“ такимъ образомъ „Батвиневскаго“, онъ говорилъ намѣстнику лавры (тогда еще благочинному) отцу Варлааму.

— Добрый мужиченко этотъ Батвиневской,—очень добрый... И покорился... Только зачѣмъ онъ трубку изъ длиннаго чубука палить?

Инокъ отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ, а добрый владыка разворковался:

— Это его Крамаревъ обучилъ... Скажи ему, чтобы не курилъ изъ длиннаго чубука.

Очевидно, что шло что-то о куреніи. Отецъ Евфимъ и въ этомъ покорился,—курилъ папиросы.

Къ сему развѣ остается добавить, что Ботвиновскій былъ очень видный собою мужчина и, по мнѣнію знатоковъ, въ молодости превосходно танцевалъ мазурку, и... искусства этого шкода не утаивать.

Мнѣ думается, что такой непосредственный человекъ непременно долженъ имѣть мѣсто среди кіевскихъ антиковъ, и даже можетъ быть воспоминаніе о немъ окажется самымъ симпатичнымъ для кіевлянъ, между коими вѣроятно еще не мало тѣхъ, что „шли плача за его гробомъ“.

Какъ-бы хорошо было, если-бы при этомъ кто нибудь вспомнилъ и искалъ: гдѣ теперь дѣти этого достойнаго памяти добряка?

XXXIX.

О *кіевскихъ богатыряхъ* я знаю мало. Видоизмѣняясь отъ облика Ильи и Чурилы до фигуры Остапа Бульбы, къ моему времени въ Кіевѣ они являлись въ лицахъ того-же приснопамятнаго Аскоченскаго, студента Кол--ва и торговаго человѣка (прикащика купца Козловскаго) Ивана Филипповича Касселя (чистаго, безпримѣснаго хохла, наказаннаго за какой-то первородный грѣхъ иноземною кличкою).

О силѣ Аскоченскаго говорили много, приводя примѣры, что будто ее иногда по неволѣ принимали въ соображеніе бывшій въ его время ректоромъ „русскій Златоустъ“ Иннокентій Борисовъ и инспекторъ Іеремія. Достовѣрнаго въ этомъ кажется то, что когда инспекторъ отобралъ разъ у студентовъ чубуки и снесъ ихъ къ Иннокентію, то Аскоченскій, съ его „непобѣдимою дерзостію“, явился къ Иннокентію „требовать *свою собственность*“. А когда Иннокентій назвалъ это нахальствомъ и приказалъ наглецу „выйти вонъ“, то Аскоченскій взялъ „весь пукъ чубуковъ“ и сразу всѣ ихъ переломилъ на колѣнѣ.

Все остальное, что касается его легендарной силы, выражалось въ такомъ родѣ: онъ все „ломалъ“. Болѣе всего онъ ломалъ вилы, лучше сказать, гнулъ за столами металлическіе ножи, ложки, вилки, а иногда подсвѣчники. Дѣлалъ онъ это всегда сюрпризомъ для хозяевъ, но не всегда ихъ тѣмъ радовалъ.

О „непобѣдимыхъ его дерзостяхъ“ разсказывалось тоже много, но надо всѣмъ преобладало сообщеніе о „стычкѣ его съ профессоромъ Серафимомъ“ на лекціи церковной исторіи.

Дѣло было такъ, что профессоръ послѣ безпристрастнаго изложенія фактовъ, пришелъ научнымъ путемъ къ достовѣрному выводу, который изложилъ въ слѣдующихъ словахъ:

— И такъ, мы ясно видѣли, что мать наша святая православная церковь въ Россіи, принявъ богоучрежденныя постановленія отъ апостоловъ, нынѣ управляется *самимъ Духомъ святымъ*.

— Въ генеральскомъ мундирѣ!—отозвался съ своей парты Аскоченскій.

Профессоръ смутился и, какъ-бы желая затушевать неумѣстное вмѣшательство студента, повторилъ:

— Самимъ Духомъ святымъ.

Но Аскоченскій снова не выдержалъ и еще громче произнесъ:

— Да, въ генеральскомъ мундирѣ!

— Что ты разумѣешь, несчастный?—спросилъ его Серафимъ.

— Не что, а ничто, отвѣчалъ Аскоченскій, и пояснилъ, что онъ разумѣетъ военнаго оберъ-прокурора синода, Н. Ал. Протасова.

Серафимъ побѣждалъ жаловаться къ Иннокентію, но тотъ какъ-то спустилъ это мягко.

Послѣдній фактъ „непобѣдимой дерзости“ Аскоченскаго былъ не въ его пользу. Это случилось тогда, когда въ одно время сошлись на службѣ въ Каменицѣ Аскоченскій, занимавшій тамъ мѣсто совѣстнаго судьи, и бывшій его начальниекъ по воронежской семинаріи Елпидифоръ, на эту пору архіепископъ подольскій.

Пр. Елпидифоръ былъ изрядно нетерпѣливъ и вспыльчивъ, въ свою очередь онъ зналъ предрезостную натуру Аскоченскаго, когда тотъ учился въ воронежской семинаріи. Однажды Елпидифоръ служилъ обѣдню въ соборѣ, а Аскоченскій стоялъ въ олтарѣ (любимое дѣло ханжей нарушать церковное правило и стѣснять собою служащее духовенство).

Во время литургіи какой-то діаконъ или иподіаконъ что-то напуталъ, а вспыльчивый владыка сказалъ ему за это „дурака“.

Тѣмъ дѣло и кончилось-бы, но послѣ обѣдни у преосвященнаго былъ пирогъ, и къ пирогу явился Аскоченскій, а во время одной паузы онъ ядовито предложилъ такой вопросъ:

— Владыко святой! что долженъ пѣть клиръ, когда архіерей возглашаетъ „дуракъ“?

— „Совѣстный судья“, отвѣчалъ сповойно преосвященный.

— А я думалъ: „и духови твоему“, отвѣчалъ „непобѣдимый въ дерзости“, но вскорѣ потерялъ мѣсто совѣстнаго судьи и навсегда лишился службы.

Другой богатырь Кол—въ дѣйствительно обладалъ силою феноменальною и ногами ходилъ „переворачивать камни у Владимира“. Идеалъ его былъ „снять крѣпостныя ворота и отнести ихъ на себѣ на Лысую гору“, которой тогда еще не угрожалъ переходъ въ собственность многополезнаго для Россіи рода бояръ Анненковыхъ. Тогда тамъ слетались простыя кievскія вѣдьмы. Но воротъ Кол—въ не снялъ, а погибъ инымъ образомъ.

Третій, самый веселый богатырь моего времени былъ Иванъ Филипповичъ Кассель, имѣющій даже двойную извѣстность въ русской арміи. Во первыхъ, торгуя военными вещами, онъ обмундировалъ чуть-ли не всѣхъ офицеровъ, переходившихъ въ Крымъ черезъ Кіевъ, а во вторыхъ онъ положилъ конецъ большой войнѣ, не значащейся ни въ какихъ хроникахъ, но тѣмъ не менѣ продолжительной и упорной.

Не знаю, съ какого именно повода въ Кіевѣ установилась вражда не вражда, а традиціонное преданіе о необходимости боевыхъ отношеній между студентами и вообще штатскою молодежью съ одной стороны и юнкерами съ другой. Особенно считалось необходимымъ „бить саперовъ“, т. е. юнкеровъ сапернаго училища. Шло это съ замѣчательнымъ постоянствомъ и заманчивостью, которая увлекала даже такихъ умныхъ и прекрасныхъ людей, какъ Андрей Ивановичъ Друкартъ, бывший въ то время уже чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Фундуклеѣ.

Съ утра бывало сговариваются приходить въ трактиръ къ Кругу или къ Бурхарду, гдѣ поджидались саперные юнкера, и тамъ „ихъ бить“.

Ни за что, ни про что, а такъ просто „бить“.

Но иногда для этого выѣзжали на дубу, или пѣшкомъ отправлялись „за мостъ“ къ Рязанову или на Подоль, къ Коткову и тамъ „билась“.

Порою съ обѣихъ сторонъ были жертвы, т. е. не убитые, но довольно сильно побитые, а война все упорствовала, не уставала и грозила быть такою-же хроническою, какъ война кавказская. Но случилось, что въ одной стычкѣ юнкеровъ (сдѣлавшихъ вылазку изъ урочища Кожемяки) съ штатскою партією (спускавшеюся отъ церкви св. Андрея) находился Кассель. Будучи призванъ къ участию въ битвѣ, Иванъ Филипповичъ одинъ положилъ на землю всѣхъ непріятелей, а потомъ за одно и всѣхъ своихъ союзниковъ. Въ пылу битвы онъ не могъ успокоиться, пока не увидалъ вокругъ себя *ослаж* „полегшими“. Это было такъ не по сердцу для обѣихъ воюющихъ сторонъ, что съ этимъ разомъ битвы прекратились.

Богатырей прославленныхъ силою боже ихъ уже не было. Эти, кажется, были послѣдніе.

XXXX.

О *кладахъ* мнѣ только извѣстно въ смыслѣ литературномъ. Гдѣ-то и у кого-то въ Кіевѣ долженъ храниться одинъ не особенно богатый, но интересный кладъ,—это одно дѣйствительно мѣткое и остроумное сочиненіе В. И. Аскоченскаго, написанное въ формѣ рѣчи, произносимой кандидатомъ епископства при нареченіи его въ архіереи. Рѣчь новонарекаемаго епископа, сочиненная Аскоченскимъ, не только ни мало не похожа на тѣ рѣчи, какія обыкновенно при этихъ важныхъ случаяхъ произносятся, но она имъ диаметрально противоположна по направленію и духу, хотя сводится къ тѣмъ-же результатамъ. Въ заправдошныхъ рѣчахъ кандидаты обыкновенно говорятъ о своихъ слабостяхъ и недостойнствахъ,—вообще какъ-бы отпѣиваются отъ епископства, боясь, что не пронесутъ обязанностей этого сана, какъ слѣдуетъ. Обыкновенно только къ концу, и то полагаясь на всемогущую благодать Божію и на восполюющую силу молитвъ предсѣдующихъ святителей, они „прісмѣяты и ли что-же вошреки глаголятъ“. Но рѣчь Аскоченскаго идетъ изъ иного настроенія: его кандидатъ епископства, человѣкъ смѣлаго ума и откровенной прямой натуры, напоминающей впрочемъ „Шлемяники г-на Рамо“. Онъ смотритъ на жизнь весело и не видитъ никакой надобности возводить на себя самообвиненія въ тяжкихъ недостойнствахъ. Напротивъ, нарекаемый епископъ Аскоченскаго признается, что санъ епископскій ему издавна весьма нравился и очень, очень пріятель. Онъ рассказываетъ даже, какія мѣры и усилія онъ употребилъ для достиженія своей цѣли—быть епископомъ. Потомъ говоритъ и о своихъ „недостойнствахъ“, но опять по своему: онъ не ограничивается общимъ поверхностнымъ упоминаніемъ, что у него есть „недостойнства“, а откровенно припоминаетъ ихъ, какъ добрый христіанинъ добраго времени, стоящій на открытой, всенародной исповѣди. Кандидатъ доводитъ свою откровенность до того, что „недостойнства“ его въ самомъ дѣлѣ какъ будто заставляютъ опасаться за его годность къ епископскому служенію и за него становится и жалко, и больно... Но вдругъ живая душа исповѣдника дѣлаетъ быстрый взмахъ надъ міромъ и зреть оттуда съ высотъ, что и другіе, пріявшіе уже ярмы епископства, были не только не достойнѣе его, но даже и послѣ

такowymi-же остались. А онъ клянется, что когда ему на епископствѣ станетъ жить хорошо, то онъ, какъ умный человекъ, ни за что не станетъ искать никакихъ пустяковъ, не имѣющихъ прямой цѣны для счастья, и „потому приѣмлетъ и ни что-же вопреки глаголетъ“.

Аскоченскій мнѣ самъ читалъ эту рѣчь, замѣчательную какъ въ литературномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, и читалъ онъ ее многимъ другимъ, пока объ этомъ не узналъ покойный митрополитъ московскій Иннокентій Веніаміновъ. Онъ запретилъ Аскоченскому читать эту рѣчь и давать ее списывать, и Викторъ Ипатьичъ, часто прибѣгая къ Иннокентію по дѣламъ своего издѣмогавшаго изданія и другимъ личнымъ нуждамъ, далъ слово митрополиту запретъ этотъ исполнить. Въ „Дневникѣ“ Аскоченскаго, который я по редакціонной обязанности *весь прочелъ*, прежде приобрѣтенія его редакціею „Историческаго Вѣстника“, *нѣтъ этой рѣчи*. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ „Дневникѣ“ записано множество выходокъ гораздо менѣе удачныхъ и литературныхъ шалостей несравненно болѣе непристойныхъ и дерзкихъ, по отношенію къ предстоятелямъ церкви. Можетъ быть Аскоченскій вырвалъ эти листы, въ угоду митрополиту, который, по словамъ Виктора Ипатьича, „просто позволялъ ему *обгискивать свой бумажникъ*“. Во всякомъ случаѣ этотъ литературный кievскій кладъ *) очень ин-

*) Мы знаемъ другой кладъ, оставленный В. И. Аскоченскимъ въ Кіевѣ и находящійся, вѣроятно, и теперь у кого-либо изъ его кievскихъ знакомыхъ. Это обширное его изслѣдованіе о тогдашнемъ состояніи русскихъ университетовъ, озаглавленное, сколько помню, такъ: «Наши университеты». Въ свое время мы читали эту толстую, листовъ въ 70, рукопись, написанную, если не ошибаюсь, въ 1854 или 1855 г. Въ ней онъ съ беспощадною рѣзкостью осуждаетъ весь строй университетскій и раскрываетъ недуги этихъ дорогихъ для всякаго учрежденій, оказывался однако бессильнымъ предложить дѣйствительныя средства къ ихъ исцѣленію. Рукопись наполнена массою самыхъ неприяжныхъ фактовъ, обличавшихъ пустоту университетскихъ чтеній, грошоваго либеральничества профессоровъ, распушенность студентовъ и пр. и пр. Рукопись шибко ходила по рукамъ и произвела въ учебномъ и административномъ мѣрѣ бурю, кончившуюся тѣмъ, что безшабашнаго автора, какъ не служащаго дворянина, посадили ведѣли на двѣ на гауптвауту при кievскомъ ордоновскъ-гаузѣ.

Разсказывали въ ту пору, что когда Аскоченскій былъ «пряличнымъ образомъ» доставленъ къ тогдашнему кievскому генераль-губернатору, кн. Васильчикову,

тересенъ какъ для характеристики самаго Аскоченскаго, такъ и въ смыслѣ опредѣленія прозорливости тѣхъ, которые чаяли видѣть въ Викторѣ Ипатьевичѣ защитника падающаго авторитета своего сана, съ дозволеніемъ иногда „*обыскивать* ихъ бумажники“.

XXXXI.

Затѣмъ еще „*последнее сказаніе*“,—тоже касающееся кievскихъ преданій и литературы.

Когда въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ М. Н. Каткова былъ напечатанъ мой рассказъ „*Запечатанный Ангелъ*“, то въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, при снисходительныхъ похвалахъ моему маленькому литературному произведенію, было сказано, что „въ немъ передано событіе, случившееся при постройкѣ кievскаго моста“ (разумѣется, *старого*). Въ рассказѣ идетъ дѣло объ иконѣ, которую чиновники „запечатѣли“ и отобрали въ монастырь, а старовѣры, которымъ та икона принадлежала, подмѣнили ее копіею во время служенія пасхальной заутрени. Для этого одинъ изъ старовѣровъ *прошелъ съ одного берега рѣки на другой при бурномъ ледоходѣ по цѣпямъ*.

Всѣмъ показалось, что мною въ этомъ рассказѣ описана кievская мѣстность и „событіе случившееся тоже въ Кіевѣ“. Такъ это и остается до сей поры.

Позволю себѣ нынѣ замѣтить, что первое совершенно справедливо, а второе нѣтъ. Мѣстность въ „*Запечатанный Ангелъ*“, какъ и во многихъ иныхъ моихъ рассказахъ, дѣйствительно похожа на Кіевъ,—что объясняется моими привычками къ кievскимъ картинамъ, но *такою произшеюя*, какое передано въ рассказѣ, *отъ Кіева никогда не происходило*, т. е. никакой иконы старовѣръ не кралъ и по цѣпямъ черезъ Днѣпръ не переносилъ. А было дѣйствительно только слѣдующее: однажды, когда цѣпи были уже натянуты, одинъ калужскій каменщикъ, по уполномочію отъ това-

последній далъ Аскоченскому прочесть ту статью изъ Свода законовъ, которая грозила ему чѣмъ-то въ родѣ высылки «въ мѣста отдаленныя». Аскоченскій прочелъ и улыбнулся.—Ваше, стало, это забавляетъ? — проговорилъ добродушный князь.— «Не думаю, отвѣчалъ Аскоченскій, что бы кого-нибудь забавляла возможность прогуляться въ Сибирь». — Ред.

рищей, сходилъ во время пасхальной заутрени съ кievскаго берега на черниговскій *по цѣпямъ*, но не за иконою, а *за водкою*, которая на той сторонѣ Днѣпра продавалась тогда много дешевле. Наливъ боченокъ водки, отважный ходокъ повѣсилъ его себѣ на шею и имѣя въ рукахъ шестъ, который служилъ ему балансомъ, благополучно возвратился на кievскій берегъ съ своею корчемною ношею, которая и была здѣсь распита во славу св. Пасхи.

Отважный переходъ по цѣпямъ дѣйствительно послужилъ мнѣ *темою* для изображенія отчаянной русской удали, но цѣль дѣйствія и вообще вся исторія „Запечатлѣннаго Ангела“, конечно, иная, и она мною просто вымыслена.

Николай Лѣсковъ.

20 декабря 1882 г.

С.-Петербургъ.
